

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ
ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУСОВ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ)**

Владимир Е. Овсейчик

Полоцкий государственный университет

Новополоцк, Беларусь

Ключевые слова: эволюция, погребально-поминальная обрядность, белорусский этнос, Подвинье, погребение, поминки, традиционная культура.

Аннотация: В работе прослежена эволюция погребально-поминальной обрядности белорусов в XX – начале XXI в. на основе материалов Белорусского Подвинья. Проанализирована динамика и раскрыты основные направления изменений в погребально-поминальной обрядности, охарактеризовано ее современное состояние. Выявлены традиционные и новые элементы в погребальном и поминальных обрядах. Основой для исследования послужили фольклорные и этнографические материалы, часть которых зафиксирована автором.

**THE EVOLUTION OF BELARUSIANS FUNERAL AND
COMMEMORIAL CEREMONIES IN XX – THE BEGINNING OF
XXI CENTURY (BASED ON THE MATERIALS
OF THE BELARUSIAN PODVINIYE)**

Uladzimir Y. Auseichyk

Polotsk State University

Polotsk, Belarus

Key words: evolution, funeral rites, Belarusian ethnos, Podviniye, burial, commemoration, traditional culture.

Summary: The paper traces the evolution of the funeral and memorial rites of Belarusians in the XX – early XXI centuries on the basis of the materials of the Belarusian Podviniye. The research data is folklore and ethnographic materials, some information was recorded by the author. The research shows the dynamics, reveals the main change direction of funeral and memorial rites, and characterizes its state. The contemporary funeral and memorial rites include traditional and new elements, which are revealed and described in the article.

В условиях глобализации и модернизации общества актуальное значение имеет изучение эволюции традиционной культуры. Ее важной частью являются обряды (ритуалы), поскольку они занимают исключительное место в комплексе культуры этноса. Обряды являются той ее частью, которая в наибольшей степени проявляет этническую специфику. Исследование эволюции погребально-поминальной обрядности тем более актуально, т.к. из-за своей консервативности и устойчивости к изменениям эта часть народной культуры в большей степени сохраняет этническое своеобразие.

Похоронные и поминальные обряды чрезвычайно информативны и важны для изучения этнических процессов. Они позволяют выявить взаимосвязи обрядовых комплексов семейного и календарного циклов на разных этапах развития этноса. Исследование погребально-поминальной обрядности содействует пониманию других проявлений самобытной духовной и материальной культуры белорусов. А исследование эволюции обрядовых комплексов дает возможность проследить тенденции развития этноса.

Цель этой работы – проследить эволюцию погребально-поминальной обрядности белорусов в XX – начале XXI в. на основе материалов Подвинья. В качестве региона исследования было выбрано Белорусское Подвинье. Регион занимает северную часть Беларуси и расположен в бассейне Западной Двины и ее притоков. Источниками для работы послужили материалы фольклорных и этнографических экспедиций, проведенных на Подвиньи в XX – начале XXI в., архивные источники, материалы периодической печати.

I. Динамика изменений погребально-поминальной обрядности

В XX – начале XXI в. погребально-поминальная обрядность белорусов, как и вся культура, развивалась в новых условиях и претерпела множество изменений. Процесс разрушения традиционных обрядов, ускорение темпов которого происходит в XX в., начался еще

в конце XIX в. Общественно-политические и социально-экономические преобразования в этот период вызвали трансформацию традиционной культуры. Они затронули и наиболее устойчивые к изменениям обряды семейного цикла.

Из-за фрагментарности описаний погребально-поминальных обрядов в регионе в разные периоды, к сожалению, не удастся проследить эти изменения во второй половине XIX в. Вместе с тем отсутствие системных этнографических исследований данной части народной культуры фактически до конца XX в. не дают полного представления о процессе ее эволюции в течение столетия. По сути, имеются только материалы второй половины XIX – начала XX в. (отрывочные и несистемные), а также конца XX – начала XXI в. В такой ситуации более плодотворным будет рассмотрение динамики самых основных изменений, произошедших в сфере погребально-поминальной обрядности.

Новые черты в похоронной обрядности начали появляться в начале XX столетия и были вызваны революциями. В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. на территории Беларуси бытовал такой тип погребального обряда, как «похороны-демонстрации» (по определению Н. С. Полищук (Полищук, 1991: 26)): так преимущественно хоронили революционеров, погибших во время разгона демонстраций, например, погибших во время октябрьских событий 1905 г. в Витебске и Полоцке. В таких похоронах изменения касались в основном публичной части обряда – похоронной процессии на кладбище. Она фактически приобретала значимость политической антиправительственной демонстрации. Характерной особенностью гражданских похоронных шествий в Полоцке и Витебске стало пение революционных песен, наличие духового оркестра, флагов, венков и транспарантов, а также широкое распространение текстильной атрибутики красного цвета (как революционных символов) (Бич, Манис, 1987: 117; Шабуня, 1984: 241; Шульман, 1925: 83). Неотъемлемым элементом гражданских похорон был митинг, который происходил на кладбище или по дороге к месту погребения (Бич, Манис, 1987: 117; Шульман, 1925: 83).

После Февральской революции 1917 г. демонстрации, митинги и манифестации становятся обычным явлением. В ходе этих уличных выступлений заметное место отводилось поминовению погибших революционеров. Особенности таких поминовений был их гражданский характер, использование «красной» символики (красный цвет иногда дополнялся черной траурной лентой), наличие оркестра (ВОСР, 1957: 137, 190). Похороны-демонстрации и гражданские

поминальные ритуалы в период революций начала XX в. не были массовыми, а касались конкретной категории умерших – погибших революционеров – и бытовали в полиэтнической городской среде.

С установлением советской власти в стране формируется новая система праздников и обрядов. Получили распространение публично-гражданские ритуалы. В этот период предпринимались попытки внедрить в быт населения новые семейные обряды: «красные» крестины («октябрины»), «красную» («комсомольскую») свадьбу. Вместе с ними появился и «красный» погребальный ритуал. Периодические издания 1920–1930-х гг. содержат на своих страницах описания новых погребальных обрядов. Гражданские похороны, как видно из этих описаний, продолжали сохранять структуру традиционного обряда. Изменения касались содержания и семантики отдельных частей ритуала. Замена элементов носила иногда чисто механический характер. Так, в новом обряде традиционное прощание на кладбище заменяет митинг с торжественными речами, а молитвы и отпевание священником – пение революционных песен и звучание похоронного марша (Клявін, 1927: 4).

«Красные» похороны проходили без участия священника. В ряде случаев только эта особенность являлась основным отличием нового обряда от традиционного, причем факт неучастия священника в погребении был довольно принципиальным и показательным. Значимость отсутствия духовного лица проявилась в номинации нового гражданского обряда похорон. Проведение ритуала по-новому по сути являлось (а потому и называлось) «похоронами без попов» (Клявін, 1927: 4; Т-ский, 1925: 5). Характерной чертой гражданских похорон, которые проходили в регионе в 1920-е гг., стало выпадение из обряда тех элементов, которые носили религиозный характер, особенно религиозной атрибутики. Вместо нее стали применять «красную», которая появилась еще во время революции 1905–1907 гг. Так, крест и церковные хоругви заменяли красными флагами и венками (Клявін, 1927: 4).

В 1920–1930-е гг. гражданский («красный») обряд похорон не имел широкого распространения и бытовал преимущественно в городской среде. Как свидетельствуют источники, иногда он встречался и в сельской местности (Клявін, 1927: 4; Т-ский, 1925: 5). Однако на большей части территории белорусского Подвинья погребения проходили по традиционной модели. Обряд иногда дополнялся религиозными ритуалами. Такая практика бытовала даже в семьях большевиков, о чем с сожалением отмечали корреспонденты того времени (Бачыўшая, 1927: 4). Некоторые элементы «красных»

похорон межвоенного периода довольно прочно вошли в структуру гражданского погребального обряда (использование оркестра, гражданская панихида, «красная» атрибутика) и продолжали использоваться в дальнейшем.

На территории Беларуси в первые послеоктябрьские годы сохраняется традиция поминовения погибших революционеров во время митингов и демонстраций, приуроченных к важным государственным праздникам (1 Мая, годовщины Октябрьской революции) (Бялявіна і інш., 2002: 574; Г-ч, 1927: 2). В 1920–1930-е гг. траурные митинги проводили исключительно для поминовения погибших в борьбе за установление советской власти. В 1920-е гг. митинги часто проходили на могилах героев Гражданской войны, а в 1930-е гг. мемориальные акции посвящали памяти советских деятелей, которые погибли во время коллективизации. Для таких митингов было характерно возложение цветов и венков, почетный караул, наличие духового оркестра (Бондарчик, 1988: 271).

Изменения, произошедшие во время Великой Отечественной войны, затронули саму структуру погребального обряда. Ритуал становится более упрощенным и свернутым. Из него исчезают как отдельные элементы, так и целые группы элементов, что вызвано невозможностью их выполнения в условиях военного времени. Отсутствие возможности изготовить или приобрести необходимые для погребения вещи приводит к тому, что хоронили умершего без них. Даже такой принципиальный момент, как погребение покойника в гробу, не всегда был выполним¹. Носители традиции, видимо, осознавали несоответствие совершаемого погребального ритуала традиционным нормам. Поэтому уже после войны иногда происходило перезахоронение умерших с соблюдением традиционного обряда².

После окончания войны особенное распространение получило почитание жертв военного времени: накануне или в День Победы стали возлагать венки и цветы к памятникам и братским могилам погибших. Несмотря на существование установленного общегосударственного дня памяти жертв войны, в некоторых местностях Подвинья поминания погибших проходили и в другие дни. Так, в д. Перевоз Россонского района Витебской области, где распространена традиция поминать умерших на Троицу, поминовение погибшего партизана было приурочено к этому празднику: «Ай,

¹ Фольклорный архив Полоцкого государственного университета (далее – ФАПГУ). Ф. 1. Оп.3. Д. 4. Т. 1. Л. 44.

² ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 12, 44.

проста, там жа парцізан захаронены. Хадзілі на яго кажную Тройцу і гэтага парцізана паміналі» (Зап. в 2009 г. В.А. Лобачем от Л.Д. Кальниной, 1925 г. р., в д. Перевоз Россонского района). Такая традиция существовала и в Шулятинском сельсовете того же Россонского района (Залескі, , Іваноў, 1960: 41).

Начало 1960-х гг. было отмечено новым всплеском обрядотворчества. В отличие от довоенного этапа, введение социалистической обрядности в этот период носило не стихийный, а плановый характер, центральная роль принадлежала органам руководства. Однако в сфере погребально-поминальной ритуалистики эти процессы оказывались несколько запоздалыми. Основное внимание комиссий по новым обрядам, общественности, органов государственного и партийного руководства было направлено на разработку и внедрение празднично-торжественных ритуалов. Первые рекомендации для проведения гражданского обряда похорон появились только в 1970-е гг. Показательным выглядит и тот факт, что в публикациях того времени, посвященных внедрению новых гражданских обрядов семейного цикла в жизнь белорусов региона, вопросы о погребально-поминальной обрядности почти не затрагивались.

В 1960–1980-е гг. внедрение гражданской погребальной обрядности в Беларуси происходило более интенсивно, чем в 1920–1930-е гг. В связи с распространением гражданского обряда уменьшается количество похорон, проведенных в соответствии с церковным ритуалом. В середине 1970-х гг., согласно официальным данным, в Витебской области оно снизилось до 11% от всех похорон³. Более стойко религиозный компонент сохранялся в западных районах Витебской области, особенно в сельской местности⁴. Показательно и то, что с уменьшением количества похорон, проведенных с участием священников, значительно возрастает число заочных отпеваний. Так, в Полоцке, по официальным данным, в 1973–1974 гг. количество отпеваний в церкви было почти в 20 раз больше, чем непосредственных отпеваний во время погребения⁵.

Как свидетельствуют источники, в послевоенный период среди белорусского населения Подвинья был распространен не столько гражданский безрелигиозный погребальный обряд в целом, сколько

³ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф.4. Оп. 62. Д. 869. Л. 38.

⁴ НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 37. Л. 89; НАРБ. Ф.4. Оп. 62. Д. 802. Л. 167. См. также: (Кухаренок, 1988: 106).

⁵ Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГАП). Ф. 658. Оп. 6. Д. 287. Л. 24; ЗГАП. Ф. 658. Оп. 6. Д. 376-а. Л. 44.

его отдельные элементы. Особенно популярным при погребении умерших было использование духового оркестра, что фиксировалось и в сельской местности⁶. Наличие духового оркестра на похоронах представителей официального руководства было средством, с помощью которого можно более активно внедрять новую гражданскую погребальную обрядность в деревне⁷. Однако, как свидетельствуют источники, проведение гражданской панихиды с использованием духового оркестра иногда сочеталось с церковным отпеванием⁸.

II. Погребально-поминальная обрядность в конце XX – начале XXI в.

Погребальная обрядность на современном этапе. Современная погребальная обрядность белорусского сельского населения Подвинья сохранила значительную часть традиционных элементов, многие из которых имеют достаточно архаический характер. На Подвиньи и сегодня распространен ряд примет, которые, как считается, предсказывают смерть человека. По мнению народа, быструю смерть предвещают пение курицы («петухом поет»), крик совы, стрекотание сороки, завывание собаки, треск во дворе около дома, на чердаке и т. д. (Варфаламеева і інш., 2004: 376–377).

Повсюду на Подвиньи и сейчас распространен обычай сразу после смерти завешивать в доме все зеркала, отворачивать их к стене или даже выносить из помещения, где находится покойник, *«каб не відаць было дамуўя»* (Зап. в 2009 г. автором от Ф.И. Янукович, 1936 г.р., в д. Гайдуки Поставского района). Оставленное не завешенным зеркало могло угрожать «хождением покойника» или тем, что он будет казаться живым. После смерти человека в его доме останавливают все часы. В некоторых частях региона на окне или столе ставят стакан с водой и вешают полотенце, *«каб душа, перад тым як пойдзе на неба, магла памыцца і абцёрціся ручніком»* (Зап. в 1998 г. в эксп. ПолоцкГУ от Н.Ф. Лопатко, 1931 г. р., в д. Поддубье Россонского района).

Особое место в структуре погребального обряда занимают обмывание и одевание покойника, с которыми связано множество предписаний. Вплоть до начала XXI в. сохраняются строгие

⁶ Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси (далее – АИИЭФ). Ф. 8. Оп. 89. Д. 244. Т. 3. Л. 15; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 1. Л. 6; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 11, 20.

⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 667. Л. 223.

⁸ НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 822. Л. 167.

регламентации относительно того, куда девать воду, которой мыли умершего. По мнению белорусов Подвинья, эту воду надо было вылить на то место, где никто не ходит и ничего не растёт, так как считается, что она может навредить всему живому. Вместе с тем ещё и сегодня распространённым является представление, что эта вода владеет лечебными свойствами. Её могли использовать от болей в суставах и даже от эпилепсии (Аўсейчык, 2010: 56).

Традиционно считалась, что обмывать и одевать умершего должны чужие люди. Похожие убеждения среди сельского населения сохраняются и в наше время: *«Чужыя вобшчэм, саседзі, хто-небудзь, но толька не родственнікі»* (Зап. в 2009 г. автором от Н.М. Кудрец, 1936 г. р., в д. Луначарское Верхнедвинского района). Однако теперь покойника нередко обмывают и обряжают его родные, особенно когда такой была воля умершего: *«А некаторыя, вот у мяне ягоныя дзве цёткі, дык саўсім ужо адна слабенькая была, вот-вот ужо памерці. Дык яна просіць сястру: “Сонечка, сястрыца, нікога ні заві мыць, ты мяне памый”.* Ну яна яе і мыла, паслухала яе просьбу» (Зап. в 2009 г. автором от Т.М. Кривко, 1926 г. р., в д. Остевичи Миорского района). При обмывании и обряде покойника обязательно сохранялось половое разграничение (мужчин мыли мужчины, женщин – женщины). Но в наше время половая принадлежность умершего при исполнении данной части обряда нередко не учитывается. В качестве критериев «отбора» на первое место могут выходить другие характеристики: *«Ну, абмываюць хто ні баіцца. У нас была у Осцевічах бабка, памёрла. Яна ўсіх мыла. Яна і мужчын мыла, яна і баб мыла, такая смелая была бабка»* (Зап. в 2009 г. автором от Т.М. Кривко, 1926 г. р., в д. Остевичи Миорского района).

По-прежнему широко бытует традиция класть в гроб умершему его личные вещи. Такие действия основываются на представлении, что эти вещи пригодятся умершему в будущей жизни в загробном мире. В противном случае, как считалось, покойник может «ходить» или «сниться». Однако теперь, особенно под влиянием священников, такой обычай не всегда сохраняется: *«А мужчыне папяросы там, шапку то, шапку кладуць у гроб. А Церахаў (местный священник – О.В.) эта ўсё вынімаў, як хараніў. Гаворыць, эта ні паложана»* (Зап. в 2008 г. автором и В.А. Лобачем от В.И. Грузневич, 1923 г. р., в д. Победа Шумилинского района).

До наших дней среди белорусского сельского населения региона почти повсюду сохранился обычай обсыпать умершего зерном при выносе его из дома. Эти действия можно трактовать как символическое наделение покойника его долей, которую он может

взять с собой, – таким образом, ритуал направлен и на сохранение материального благополучия семьи (чтобы умерший не забрал с собой лишнего): *«(А калі хавалі чалавека, то можа што кідалі жыта ці ячмень?) Ячменем ці жытам, што есьць сыпалі. (А на што так рабілі?) Не знаю. Каб добра было. Каб усе добра, ні яму, а тым, хто застаецца ў хаце. Мой мужык памёр, і тады адна бабка, яна ўжо памершая была, начыная с кута гнала, прыскала, прыскала, двор мне апрыскала, дажа гарод, каб добра было на гародзе»* (Зап. в 2006 г. Т.В. Володиной от С.П. Сосоненко, 1933 г. р., в д. Стайки Ушачского района).

Особое внимание во время погребального обряда уделяется провадам умершего на кладбище. Здесь очень строгие предписания касаются построения похоронной процессии. Как считается, впереди процессии должны идти чужие люди, а родные – обязательно за гробом: *«Уперадзе крэст, піюны і людзі настаронніа, каторыя ідуць на кладбішча. А ўжо родзіна ішла толькі за нябожчыкам ззаду, хоць на кані, хоць на машыне»* (Зап. в 2009 г. автором от Ф.И. Янукович, 1936 г. р., в д. Гайдуки Поставского района). До нашего времени повсюду сохранился запрет обгонять похоронную процессию. В случае его нарушения говорят, что *«тады чалавек бяжыць у іншы свет, наперад нябожчыка»* (Зап. в 1999 г. в эксп. ПолоцкГУ от В.М. Баньковой, 1921 г. р., в д. Гришино Россонского района).

Различные традиционные черты сохранились и в поминальной трапезе, которая совершалась в день погребения. На поминках, как считалось, присутствует и сам умерший, а потому для него на стол ставили тарелку и рюмку: *«Як садзяцца за стол, пахаваюць, прыйдуць з кладбішча, на стале далжна стаяць талерка і з хлебам, і з соллю, і чарка налітая»* (Зап. в 2009 г. автором от М.Н. Лисовской, 1925 г. р., в д. Горки Верхнедвинского района). Количество блюд и их ассортимент на поминальном столе обычно зависит от достатка в семье. Однако и сегодня на Подвиньи поминки не обходятся без обязательных ритуальных блюд: *«Ну і вот эіх тры блюда: поліўка, клёцкі і куцьа –эта неабхадзіма на паміне. Ну а астальное ўсё што хто хочыць»* (Зап. в 2009 г. автором от Н.М. Кудрец, 1936 г. р., в д. Луначарское Верхнедвинского района).

Несмотря на значительную устойчивость этнических особенностей погребальной обрядности, на современном этапе под влиянием различных факторов из обряда исчез ряд элементов. Развитие производства вместе с улучшением условий жизни и ростом благосостояния населения привели к тому, что приоритет стал отдаваться фабричным изделиям, а потому из обихода выходит часть

ритуальных предметов. Так, повсюду из погребального обряда исчезла специально сшитая покойнику одежда, ее теперь покупают в магазине. Но необходимо отметить, что базовое символическое требование к одежде – новая, не ношенная, «не отмеченная жизнью» – сохранилось. С появлением специализированных бюро ритуальных услуг, где можно приобрести необходимые для погребения предметы, из обряда уходят такие ритуальные моменты, как изготовление гроба, креста и т. д. В связи с этим исчезают многие обрядовые действия и предписания, связанные с ними.

Еще в начале 1990-х гг. довольно распространенным был обычай бросать перед опусканием гроба (в некоторых частях региона – после опускания) в могилу деньги, тем самым выкупая место умершему. Однако в условиях отсутствия монет такой обычай постепенно исчезает. Бумажные деньги не стали полноценной заменой металлических, сельские жители оценивают бросание в могилу бумажных купюр как *«нешта абы што»* (Варфаламеева і інш., 2004: 385). Несмотря на то, что в результате денежной реформы 2016 г. в Беларуси снова появились монеты, данная традиция не вернулась в обрядовую практику местного населения.

Вместе с исчезновением некоторых ритуальных элементов в современном погребальном обряде появились и новые. Довольно распространенными становятся продолжительные речи над могилой или во время поминальной трапезы в день погребения, объявление в печати о смерти человека. Погребальный обряд не обходится без обязательного возложения на могилу венков. В современном погребении в сферу обрядовых манипуляций попадают не характерные для традиционного ритуала предметы. Их включение в обряд сопровождается появлением новых ритуальных действий (например, обязательное выключение телевизоров и радиоприемников сразу после смерти человека и т. д.).

Особенности современной поминальной обрядности.

Количество поминальных ритуалов, а также особенности поминовения различаются в зависимости от специфики локальной традиции и вероисповедания местного населения. У православных наиболее распространенными сегодня являются поминки на 3-ий (или на следующий после похорон) и 40-ой дни, в годовщину после смерти, а также в определенные дни народного календаря. У белорусов католического вероисповедания поминальные обряды происходят преимущественно в 3-ий и 13-ый дни, годовщину со дня смерти.

Также умерших поминают в день Всех Святых (1 ноября) или в День Задущный (2 ноября).

У белорусов Подвинья как православного, так и католического вероисповедания сохраняется архаичная традиция помянуть умершего уже на следующий день после похорон. В регионе обычай навещать в этот день могилу усопшего еще встречается под названием «будить умершего» («будзіць памерлага»): «(А назаўтра?) Хадзілі будзіць. Палажылі яды. Гарэлку ў чарку, а закуску на тарэлку» (Зап. Т.В. Володиной в 2006 г. от М.М. Глазко, 1926 г. р., в д. Бояре Докшицкого района).

У белорусского православного населения Подвинья следующие поминки проходят на 9-ый день после смерти. Этот поминальный обряд связан с представлением о проходах души в дальнюю дорогу, из которой она возвращается только на 40-ой день (Сысоў, 1997: 381). Традиция поминовения умерших в этот день известна не во всем регионе. В некоторых его частях она довольно поздно происхождения, которое обусловлено распространением в последнее время влияния церкви на погребально-поминальную обрядность. Поминки на 9-ый день проходят довольно скромно и обычно без посещения кладбища. Дома совершают поминальную трапезу, на которой присутствуют только родные и самые близкие покойника⁹. К этому поминальному дню иногда приурочивают церковную службу по умершему¹⁰.

На современном этапе особенно важными в цикле частных поминовений считаются поминки на 40-ой день (у католиков – на 13-ый). Согласно поверьям, после смерти человека его душа определенное время находится на земле, а после 40 (у католиков – 30) дней отправляется на небо (*у вырай*) (Валодзіна, Васілевіч, 2011: 426). Поэтому такие поминки отмечаются как проводы души в «иной» мир: «Гэта я не знаю, як паложэна. Гэта ўжо Бог душу забіраіць. Да сарака дней душа ходзіць, у нас эдак, у рылігіі. А ўжо послі сарака дней Бог тады ўжо судзіць чалавека. Ну эта на рылігіі» (Зап. автором в 2012 г. от А.В. Карнацевич, 1931 г. р., в д. Вретеи Поставского района). У белорусов Подвинья католического и православного вероисповедания важным ритуальным моментом в этот день считается церковная поминальная служба¹¹. Также на поминках в 40-ой (или

⁹ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Т.9. Л. 11. См. также: (Варфаламеева і інш., 2004: 387).

¹⁰ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т.1. Л. 5; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т.1. Л. 42.

¹¹ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т.1. Л. 20; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т.1. Л. 37.

13-ый) день в доме умершего происходит застолье, на которое приглашают почти всех, кто принимал участие в похоронах¹².

Не потеряло своего значения соблюдение траура по умершему в течение года со дня смерти. Оно проявляется в запрете чрезмерно веселиться, слушать музыку, в требовании носить одежду темных цветов¹³. Сегодня срок соблюдения траура варьируется в зависимости от категории умерших: «*Калі памірала маці – траур год, бацька – паўгода*»¹⁴. В регионе распространенным остается предписание на Пасху не красить яйца в тех семьях, где в течение года был покойник: «*(А на Вялікадні яйкі красілі?) Красілі. Ну, як хто памрэ ў гэты год, тады не. Не красяць ў гэты год. У мяне брат памер, тады братава, на адным гаду памярлі. Дык два гады не варыла яйкі*» (Зап. автором в 2009 г. от М.И. Плыгавка, 1936 г. р., в д. Тумиловичи Докшицкого района). Католическое и православное население Подвинья поминает умерших также через год после смерти. На годовщину принято заказывать поминальную службу по умершему в храме¹⁵. В этот день родные навещают могилу покойника, а потом совершают трапезу дома.

Важное место в структуре традиционной поминальной обрядности белорусов Подвинья по-прежнему занимают календарные поминки. Особенно это касается поминовения умерших предков в весенний период – на Пасху и Радуницу. Эти поминальные традиции имеют локальные различия. В западной и центральной частях Подвинья распространена традиция почитать умерших предков на Пасху, а на Востоке региона – на Радуницу.

Неотъемлемым компонентом поминальной обрядности в этот период является посещение кладбищ и *хрыстасаванне* с умершими, когда на могилу приносят пасхальное яйцо¹⁶. Характерной чертой современного состояния пасхальной поминальной обрядности является упрощение и редукция (исчезновение ряда обрядовых действий). В первую очередь это касается поминальной трапезы, которую совершали во время пасхального посещения кладбищ. Некоторые ее элементы выпадают из обрядовой практики белорусского населения Подвинья. Даже сама поминальная трапеза постепенно исчезает.

¹² ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т.3. Л. 8; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т.1. Л. 37

¹³ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т.4. Л. 46; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т.1. Л. 13; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т.1. Л. 18.

¹⁴ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

¹⁵ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т.1. Л. 37; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т.1. Л. 47.

¹⁶ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т.3. Л. 7; ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т.1. Л. 19.

На современном этапе на Подвинье наибольшее распространение в весенний период получает поминовение умерших на Радуницу. Такая тенденция характерна и для тех территорий, где в прошлом более типичным было пасхальное поминовение. Данная ситуация обусловлена несколькими факторами. Во-первых, с 1991 г. в Республике Беларусь Радуница является нерабочим днем. Поэтому в этот день поминать предков на кладбища отправляются многие жители страны, независимо от их конфессии¹⁷. Вместе с тем посещение кладбищ на Радуницу иницируется православной церковью. Поминовение умерших в этот день поощряется православными священниками с целью предотвратить посещение кладбищ на Пасху.

Широко практикуется на Подвинье и поминовение умерших на Троицу. В прошлом, как свидетельствуют этнографические материалы, троицкие поминальные обряды были распространены в северной части региона. В настоящее время происходит распространение поминальных обрядов даже на той территории, для которой ранее они не были характерными. На такую тенденцию обращают внимание и респонденты: *«Я вам скажу. Гэта ціпер на Тройцу ходзяць на кладбішча, прыдумалі. <...> Гэта празнік быў. А на кладбішча ніхто не хадзіў»* (Зап. автором в 2009 г. от А.А. Заяц, 1936 г. р., в д. Шараги Миорского района). Такая ситуация обусловлена официальным поминальным характером этого праздника в православной церкви. В северных районах Подвинья посещение кладбищ на Троицу сопровождается поминальной трапезой (Варфаламеева і інш., 2004: 110). В этой части региона сохранилась традиция приносить на кладбище специальные яйца, покрашенные в зеленый цвет: *«Дык спецыяльна яйкі к Тройцэ красілі? – Красілі знаіця чым, бярозавым лісцем. Насабіраеш бярозавага лісця, яны такія зялёненькія тады»* (Зап. в 2009 г. В.А. Лобачем и Т.В. Володиной от Л.С. Машарской, 1922 г. р., в д. Заборье Россонского района).

В цикле календарных поминальных обрядов важное место по-прежнему занимают обряды почитания умерших предков – *Деды*. Само празднование Дедов заключается в поминальном застолье, которое проводится дома. Согласно народным представлениям, в эти дни души умерших предков спускаются на землю, чтобы посмотреть, как их почитают, и приходят в свои дома на поминальную трапезу (Никифоровский 1897: 296). Обряд встречается на всей территории Подвинья среди белорусского православного населения. У белорусов

¹⁷ ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т.2. Л. 19.

католического вероисповедания он фиксируется не так часто. Под влиянием костела данная поминальная традиция была вытеснена «официальными» поминками, которые приурочены к Дню Задушному (2.XI).

В настоящее время на Подвинье белорусское население отмечает Деда от одного до шести раз в год. Количество таких поминальных дней в каждом конкретном случае обусловлено локальной традицией. Проведение, структура и ход поминовения на разные Деда сегодня мало чем различается. Специфика проявляется в большей степени лишь в ассортименте блюд на поминальном столе. Важное значение для современного белорусского населения Подвинья имеют осенние Деда. Они проводятся преимущественно в ноябре. Православное население региона проводит Деда в Дмитровскую поминальную субботу. Традиционно осенние отмечали дома без посещения кладбищ. На современном этапе в регионе зафиксировано спорадическое посещение могил, которое строго не регламентировано (Аўсейчык 2012: 205–206).

Белорусское католическое население Подвинья поминает умерших в день Всех Святых (1.XI) или в Задушный День (2.XI). Поминальные обряды в этот период включают участие в храмовой службе, посещение кладбища, освящение могил священником. Поминки на кладбищах у католиков в этот день проходят более скромно, чем у православных, без трапезы: *«Гэта Усе Святыя. Чысцюць магількі католікі. <...> І палюць свечкі, нічога не нясуць, ні яды ніякай, ніякай водкі, ні выпівак. Ну і молюцца. І прыязджаюць ксёндз, асвятчаюць гэтыя. Гэта адзін раз у год»* (Зап. в 2009 г. от Г.Ф. Маркович, 1934 г. р., в д. Стенка Докшицкого района).

Таким образом, как свидетельствуют этнографические и фольклорные источники, определенные изменения в погребально-поминальной обрядности белорусов произошли уже в начале XX в. Однако изменения, которые были вызваны периодом революций, хотя и являлись принципиальными и показательными, носили всё же фрагментарный и внешний характер: они касались конкретной категорий умерших (погибших революционеров), не имели широкого распространения и бытовали преимущественно в полиэтнической городской среде, а потому не оказали серьезного влияния на традиционную обрядность белорусов в целом. Основная трансформация погребально-поминальных обрядов в первой половине XX в. произошла после установления советской власти. Наиболее

существенные же изменения пришли уже на вторую половину XX – начало XXI в.

Современная погребально-поминальная обрядность белорусского сельского населения Подвижья сохранила в себе довольно много традиционных черт. К ним относятся представления о смерти и загробной жизни, предписания и регламентации, которые касаются проведения погребального и поминальных обрядов. Вместе с тем под влиянием разных факторов из обрядности исчезает целый ряд традиционных предметов, что, в свою очередь, вызывает исчезновение связанных с ними обрядовых действий. В первую очередь это касается некоторых вещей, которые заменяются новыми (правда, здесь необходимо говорить скорее о смене формы и материала, чем о замене самих предметов). Кроме того, в результате модернизации образа жизни в погребально-поминальной обрядности появились новые атрибуты и обрядовые действия. Элементы духовной культуры в этом плане характеризуются большей устойчивостью.

Литература

- Аўсейчык, Уладзімір Яўгенавіч. (2012). Восеньскія Дзяды ў беларусаў Падзвіння: рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты В *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. А. Гуманітарныя навукі* №9. 35-44.
- Аўсейчык, Уладзімір Яўгенавіч. (2010). *Элементы народнай медыцыны ў пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння (на матэрыялах сучасных этнаграфічных даследаванняў)*. В М.А. Мажэйка (Рэд.). *Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання*: Зб. навуковых прац удзельнікаў IV Міжнар. навукова-практычнай канф. Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт культуры і мастацтваў. 55-57.
- Бачыўшая. (1927). Трымаецца за папоў. В *Віцебская сялянская газета*, 16 кастрычніка, 4.
- Бич, Михаил Осипович, Манис, Николай Александрович. (1987). Начало рабочего движения. Революция 1905–1907 гг. В Пётр Т. Петриков (Отв. ред.). *Полоцк: Исторический очерк*. Минск: Наука и техника. 111-120.
- Бондарчик, Василий Кириллович (Ред.). (1988). *Праздники и обряды в Белорусской ССР*. Минск: Наука и техника.
- Бялявіна, Валянціна Мікалаеўна і інш. (2002). Святы. В В.Ф. Бацяеў, В.М. Бялявіна, А.У. Гурко і інш. *Беларусы. Т.6: Грамадскія традыцыі*. Мінск: Бел. навука. 299-598.
- Валодзіна, Ташцяна Васільеўна, Васілевіч, Уладзімір Аляксандравіч. (2011). Сарачыны. В С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. *Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік*. Мінск: Беларусь. 426.

- Варфаламеева, Тамара Барысаўна, Боганева Алена Міхайлаўна, Мікалай Аляксеевіч Козенка і інш. (2004). *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 2: Віцебскае Падзвінне*. Мінск: Бел. навука.
- ВОСР – *Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы*. (1957). Т.1. Мінск: Гос. изд-во БССР.
- Г-ч Я. (1927). Абаронім заваёвы Кастрчычніка. В *Беларуская вёска*, 20 лістапада, 2.
- Залескі, Адам Іосіфавіч, Іваноў Уладзімір Міхайлавіч. (1960). *Новыя звычаі і абрады – у наш быт*. Мінск: Таварыства па распаўсюджванню палітычных і навуковых ведаў БССР.
- Клявін. (1927). Пахавалі камунара В *Віцебская сялянская газета*, 16 кастрычніка, 4.
- Кухаренюк, Татьяна Ивановна. (1988). Основные этапы и тенденции развития семейной обрядности в Белорусской ССР. В В.К. Бондарчик (Ред.). *Праздники и обряды в Белорусской ССР*. Мінск: Наука и техника. 93-109.
- Кухаронак, Таццяна Іванаўна. (2001). Пахавальна-памінальныя звычаі і абрады. В В.К. Бандарчык, Г.М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак і інш. *Беларусы. Т.5: Сям'я*. Мінск: Бел. навука. 351-369.
- Никифоровский, Николай Яковлевич. (1897). *Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах*. Витебск: Губерн. Типо-Литограф.
- Полищук, Нинель Саввишна. (1991). Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») В *Советская этнография* № 6. 25-39.
- Сысоў Уладзімір Мінавіч. (1997). *З крыніц спрадвечных*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Т-ский, М. Без попов. (1925). В *Витебская крестьянская газета*, 19 февраля, 5.
- Шабуня, Константин Иванович (Отв. ред.). (1984). *История рабочего класса Белорусской ССР*. Т. 1. Мінск: Наука и техника.
- Шульман, М. (Рэд.). (1925). *1905 год у Беларусі: Зб. артыкулаў, успамінаў і матэрыялаў*. Мінск: 1-я дзяржаўная друкарня.

References

- Auseichyk, Uladzimir Y. (2012). Vosen'skiia Dziady u belarusau Padzvinnia: regiianal'nyia asablivastsi i lakaal'nyia varyianty [Autumn Dzyady of the Belarusians of Dvina region: regional peculiarities and local variants]. In *Vesnik Polatskaga dziazrhaunaga universiteta. Ser. A: Gumanitarnyia navuki* [Herald of Polotsk State University. Ser. A. Humanity sciences], No. 9. 35-44. (In Belarusian.)
- Auseichyk, Uladzimir Y. (2010). Elementy narodnai medytsyny u pakhaval'napaminal'nai abradnastsi belarusau Padzvinnia (pa materyialakh suchasnykh etnagrafichnykh dasledavanniau) [Elements of traditional medicine in the funeral and memorial rituals of Belarusians move over (based on contemporary ethnographic studies)]. In Mazheyka (Ed.). *Autentychny fal'klor: problemy*

- vyvuchennia, zakhavannia, peraimannia: Zbornik navukovykh prats [Authentic folklore: problems of study, preservation, replication]. Minsk: Belaruski dzjarzhavny universitet kul'tury i mastatstvav. 55-57. (In Belarusian).
- Bachyvshaya. (1927). Trymaetsta za papov [Clings to the priests.]. In *Vitsebskaya syalyanskaya gazeta* [Vitebsk peasant newspaper], October 16.
- Bich, Mikhail O., Manis, Nikolai A. (1987). Nachalo rabocheho dvizheniia. Revoliutsiia 1905–1907 gg. [The beginning of the labor movement. The revolution of 1905-1907]. In P.T. Petrikov (Ed.). *Polotsk: Istoricheskii ocherk* [Polack: A historical essay]. Minsk: Nauka i tekhnika. 111-120. (In Russian.)
- Bondarcik, Vasilii K. (Ed.). (1988). *Prazdniki i obriady v Belorusskoi SSR* [Holidays and rites in the Byelorussian SSR]. Minsk: Nauka i tekhnika. (In Russian.)
- Byalyavina, Valiantsina N. et al. (2002). Svyaty [Holidays]. In *Belarusy. T.6: Gramadskiy tradytsyi* [Belarusians. T.6: Local traditions]. Minsk: Belarускаia navuka. 299-598. (In Belarusian.)
- G-ch J. (1927). Abaronim zavaevy Kastrychnika [Defend the gains of the October Revolution]. In *Belaruskaya veska* [Belarusian village], November 20.
- Klyavin. (1927). Pakhaval'i kamunara [Communar's buried]. In *Vitsebskaya syalyanskaya gazeta* [Vitebsk peasant newspaper], October, 16.
- Kukharenok, Tat'iana I. (1988). Osnovnye etapy i tendentsii razvitiia semeinoi obriadnosti v Belorusskoi SSR [The main stages and trends in the development of family rituals in the Byelorussian SSR]. In Bondarcik, Vasilii K. (Ed.). *Prazdniki i obriady v Belorusskoi SSR* [Holidays and rites in the Byelorussian SSR]. Minsk: Nauka i tekhnika. 93-109. (In Russian.)
- Kukharonak, Tatstsiana I. 2001. Pakhaval'na-paminal'nyia zvychai i abrazy [Funeral and commemorial rule and rites]. In Vasilii K. Bandarchyk (Ed.). *Belarusy. Vol. 5: Siam'ia* [Belarusians. Vol. 5: The Family]. Minsk: Belarускаia navuka. (In Belarusian.)
- Nikiforovskii, Nikolai Y. (1897). *Prostonarodnye primety i pover'ia, suevernye obriady i obychai, legendarnye skazaniia o litsakh i mestakh* [Common folk signs and beliefs, superstitious rites and customs, legendary legends about people and places]. Vitebsk: Gubernskaia Tipografia. (In Russian.)
- Polishchuk, Ninel' S. (1991). Obriad kak sotsial'noe iavlenie (na primere "krasnykh pokhoron") [Rite as a social phenomenon (on the example of "red burial")]. In *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography], No. 6. 25-39. (In Russian.)
- Valodzina Tatstsiana V., Vasilevich Uladzimir A. (2011). 'Sarachyny' [Sarachyny]. In *Mifalogiia belarusau* [Mythology of the Belarusians]. Minsk: Belarus'. (In Belarusian.)
- Varfalameeva, Tamara B. et al. (2004). *Tradytsyinaia mastatskaia kul'tura belarusau. T. 2: Vitsebskae Padzvinne* [Traditional art culture of the Belarusians. T. 2: Vitebsk Dvina region]. Minsk: Belarускаia navuka. (In Belarusian.)
- Velikaia Oktibr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia v Belorussii. Dokumenty i materialy* [The Great October Socialist Revolution in Belarus. Documents and materials]. (1957). T.1. Minsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo BSSR. (In Russian.)

- Shabunya, Konstantin I. (Ed.). (1984). *Istoriia rabocheho klassa Belorusskoi SSR* [The history of the working class of the Byelorussian SSR]. T.1. Minsk: Nauka i tekhnika. (In Russian.)
- Shulman, M. (Ed.). (1925). *1905 god u Belarusi: zb. artykulau, uspaminau i materyialau* [1905 in Belarus: Articulate selection, sedation and matering]. Minsk: 1-ya dzyarzhavnaya drukarnya. (In Belarusian.)
- Sysou, Uladzimir M. (1997). *Z krynits spradvechnykh* [From ancient sources]. Minsk: Vyshaia shkola. (In Belarusian.)
- Zaleski, Adam I., Ivanou Uladzimir M. (1960). *Novyia zvychai i abrady – u nash byt* [New customs and rites – in our everyday life]. Minsk: Tavarystva pa raspavsyudzhvannyu palitychnykh i navukovykh vedav BSSR. (In Belarusian.)